Макс ВЕБЕР[1]

ПАРЛАМЕНТ И ПРАВИТЕЛЬСТВО В НОВОЙ ГЕРМАНИИ[2]

К политической критике чиновничества и партийной жизни
(май 1918)

II. Господство чиновников и политическое лидерство

В современном обществе реальное господство – а проявляется оно не в парламентских речах и не в высказываниях монархов, но в осуществлении управления в повседневной жизни – необходимо и неизбежно сосредоточено в руках чиновничества, как гражданского, так и военного. Ведь современный высший офицер руководит из «бюро» даже битвами. Подобно тому, как так называемое прогрессивное продвижение к капитализму, начиная со Средневековья, служило недвусмысленным критерием модернизации общества, так и продвижение к бюрократическому чиновничеству, основанному на постоянных местах работы, на жалованье, пенсиях, служебной карьере, профессиональной выучке и разделении труда, непоколебимой компетенции, документальном протоколировании, иерархической упорядоченности чинов, служит алогичным недвусмысленным критерием модернизации государства, как демократического, так и монархического. Во всяком случае, если это государство – не небольшой кантон с управлением, идущим своим чередом, а крупное демократическое государство. Ведь демократия совершенно так же, как и абсолютистское государство, исключает управление с помощью феодальной, родовой, патрицианской или другой почетной или наследственной знати, используя ради этого назначаемых на должность чиновников.

---

[1] Макс Вебер (1864–1920) – видный немецкий ученый, один из основателей современной социологии. Его теоретическое наследие, включающее исследования в таких областях, как экономика, религия, политика, право и методология социальных наук, является объектом неослабевающего внимания со стороны различных школ современной социологии и политологии.

Аналитическая социология М.Вебера важна сегодня потому, что она предоставляет нам средства для исследования и понимания круга конкретных проблем, которые мы обобщенно называем политическими изменениями. Одна из этих проблем – контроль за административным аппаратом – имеет ключевое значение для политической демократии.

[2] Печатается с незначительными сокращениями по: *Вебер М.* Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М., 2003.

Назначаемые чиновники принимают решения относительно наших всевозможных повседневных потребностей и жалоб. В этом решающем пункте обладатель военного господства, офицер, не отличается от гражданского управленческого чиновника. Современная массовая армия есть бюрократическое войско, а офицер, в противоположность рыцарю, кондотьеру, предводителю или гомеровскому герою, представляет собой особую категорию чиновника. На служебной дисциплине основана боеспособность армии. Лишь с небольшими модификациями по сравнению с армией происходит распространение бюрократизма в коммунальном управлении. Чем больше община или чем больше благодаря разного рода технически и экономически обусловленным целевым союзам разного рода она лишена своей органической локальной оседлости, тем больше развивается бюрократизм. И в церкви принципиально важным постановлением 1870 года стал не пресловутый догмат о непогрешимости Папы, а универсальный епископат. Он создал своего рода «капелланократию» и, в противоположность Средневековью, превратил епископов и приходских священников попросту в чиновников центральной власти курии. Так же обстоят дела и на крупнейших частных предприятиях современности, и чем больше эти предприятия, тем более развит бюрократизм. В статистическом отношении рост численности служащих на частных предприятиях опережает рост численности рабочих, и умственная работа в частной конторе хоть чем-то отличается от аналогичной работы в государственном бюро только в высшей степени смехотворных представлениях наших литераторов.

Напротив, обе работы по сути дела совершенно однотипны. С точки зрения социальной науки, современное государство является таким же «предприятием», как фабрика; это как раз и составляет его исторически специфическую черту. И отношения господства в рамках предприятия тоже одинаково обусловлены и здесь, и там. Подобно тому, как относительная самостоятельность ремесленника или свободного крестьянина, лично ответственного компаньона (*Kommendatars*), рыцаря или вассала основывалась на том, что он сам был собственником орудий труда, запасов, денежных средств и оружия, с помощью которых он исполнял свои экономические, политические и военные функции и благодаря чему он жил при их исполнении – так и впоследствии иерархическая зависимость рабочего, коммивояжера, технического сотрудника, ассистента в академическом институте и государственного служащего или солдата совершенно аналогично основана на том, что орудия труда, запасы и денежные средства, необходимые для предприятия и экономической жизни, сконцентрированы, в одном

случае, в распоряжении предпринимателя, а в другом – в распоряжении политического руководства. Например, русские солдаты в подавляющем большинстве не хотели больше вести никакой войны. Это их желание оказалось вынужденным, ибо вещественные средства военного производства и запасы, обеспечивавшие жизнь солдат, находились в распоряжении людей, которые с их помощью загоняли солдат в окопы совершенно так же, как капиталистические владельцы экономических средств предприятия загоняли рабочих в заводские цеха и шахты. Этот определяющий экономический принцип, а именно «отделение» работника от вещественных средств предприятия – от средств производства в экономике, от средств ведения войны в армии, вещественных средств управления в публичном администрировании, и всех их – от денежных средств, а также от исследовательских средств в университете и лаборатории – является общим как для современного властного, культурно-политического и военного государственного предприятия, так и для частнокапиталистического хозяйства, и составляет их определяющую основу. В обоих случаях распоряжение этими средствами находится в руках той власти, какой непосредственно подчиняется или в распоряжение которой попадает при апелляции соответствующий бюрократический аппарат (судьи, чиновники, офицеры, производственные мастера, коммивояжеры, унтер-офицеры), одинаково характерный для всех упомянутых структур; его существование и функция как причина и как следствие нераздельно связаны с той самой «концентрацией вещественных средств предприятия» и, более того, представляет собой их форму. Растущая «социализация» сегодня неизбежно означает растущую бюрократизацию.

Но ведь и с исторической точки зрения «продвижение» к бюрократическому государству, осуществляющему правосудие по рационально сформулированному праву и рационально составленным регламентам, происходит сегодня в теснейшей взаимосвязи с современным капиталистическим развитием. Внутренней основой современного капиталистического предприятия в первую очередь служит калькуляция. Для своего существования предприятию необходимы правосудие и управление, функционирование которых, по меньшей мере, можно рационально рассчитать так же, как и проектную мощность какой-нибудь машины. Оно столь же мало может примириться с тем, что в обиходе называют «мусульманским правосудием», т. е. с судопроизводством, которое осуществляется сообразно чувству справедливости судьи в конкретных случаях или в соответствии с другими иррациональными способами и принципами осуществления права в том виде,

в каком они повсюду существовали в прошлом, а на Востоке существуют и по сей день, – как и с патриархальным управлением, действующим по произволу и милости, а в остальном по нерушимо священной, но иррациональной традиции теократических или патримониальных союзов господства в Азии или в нашем собственном прошлом. Правда, то обстоятельство, что это «мусульманское правосудие» и соответствующее ему управление как раз из-за их иррационального характера особенно часто поддаются подкупу, дало возможность возникнуть и существовать капитализму лавочников и государственных поставщиков, равно как и прочим разновидностям вот уже четыре тысячелетия известного в мире дорационалистического капитализма, в особенности авантюрному и хищническому капитализму, укорененному в политике, войне и управлении как таковых (и зачастую цветущему пышным цветом как раз благодаря авантюризму и хищничеству). Однако же то, что свойственно современному капитализму в противоположность упомянутым допотопным формам капиталистической наживы – строго рациональная организация труда на основании рациональной техники, – нигде в рамках такого рода иррационально сконструированной государственности не возникало, да и не могло возникнуть. Ибо современные формы предприятия с соответствующим им капиталом и с их точным расчетом слишком восприимчивы к иррациональным проявлениям права и управления. Они могли появиться, например, лишь там, где, как в Англии, практическое оформление права фактически находилось в руках адвокатов, которые, служа своей клиентуре, т. е. заинтересованным лицам из капиталистов, изобрели подходящие формы сделок и торговых домов, – и из среды которых впоследствии вышли судьи, строго привязанные к «прецедентам», т. е. к поддающимся исчислению схемам. Или там, где, как в бюрократическом государстве с его рациональными законами, судья в большей или меньшей степени играет роль автомата для параграфов, в который мы «сверху» опускаем судебные дела наряду с расходами и гонорарами, на что «снизу» он выплевывает приговор наряду с более или менее вескими основаниями для него; значит, функционирование судьи в любом случае, в общем и целом, поддается расчету[1].

[1] К школе для маленьких детей следует отнести характерное дилетантское представление литераторов: капитализму, дескать, способствовало «римское право». Любой студент обязан знать, что все характерные правовые институты современного капитализма, начиная от акции, рентного документа, современного права на залог земли, векселя и всевозможных видов документов денежного обращения и вплоть до капиталистических форм ассоциаций в индустрии,

И теперь так же, как в экономике и государственном управлении, в конечном итоге, обстоят дела с продвижением к бюрократизации в партиях.

Существование партий не ведает никакой конституции и (по меньшей мере, у нас) никакого закона, хотя именно в них представлены сегодня несравненно важнейшие носители всевозможных политических стремлений тех, кто подвластен бюрократии, «граждан». Именно партии – хотя они пользуются весьма многочисленными способами прочного привязывания к себе собственной клиентуры – по своему глубинному существу являются добровольно создаваемыми организациями, исходящими из свободной, при необходимости всегда обновляющейся агитации, в противоположность всевозможным объединениям, жестко регулируемым законами или контрактами. Сегодня их цель всегда состоит в агитации за голоса на выборах на политические должности или в избирательные объединения. Постоянное, объединенное вокруг вождя или группы уважаемых лиц ядро партийных кандидатов с весьма разнообразными устойчивыми подразделениями, а сегодня – зачастую с развитой бюрократией, заботится о финансировании при помощи партийных меценатов, или экономически заинтересованных лиц, или же патронирующих ведомственных заинтересованных лиц, или посредством членских взносов, – а по большей части – из нескольких упомянутых источников. Это ядро определяет соответствующую программу, способ действия и кандидатов. Даже при весьма демократической форме массовой партийной организации, следствием которой затем, как правило, является развитое, получающее жалованье чиновничество, масса, по меньшей мере, избирателей, но в изрядном объеме также и просто «членов партии» не участвует (или участвует лишь формально) в определении программы и кандидатов. Скорее, сотрудничество избирателей принимается во

горном деле и торговле, абсолютно неведомы римскому праву и имеют средневековое – в значительной части специфически германское происхождение, и что на родине современного капитализма, в Англии, римское право никогда не могло бы обосноваться. Нехватка больших национальных адвокатских цехов, противостоявших в Англии римскому праву, а в остальном – бюрократизация правосудия и государственного управления – проторили у нас в Германии дорогу римскому праву. Современный ранний капитализм возник не в образцовых странах бюрократии (каковая, со своей стороны, выросла из чистого государственного рационализма). И даже современный высокоразвитый капитализм первоначально не ограничивался образцовыми странами бюрократии, а также первоначально не преобладал в них, не чувствовал себя как дома. Он преобладал там, где судьи возникли из адвокатов. Но сегодня капитализм и бюрократия обрели друг друга и крепко друг с другом срослись.

внимание лишь потому, что программа и кандидаты приспосабливаются к шансам завоевать голоса избирателей и подбираются по этому принципу.

Итак, пусть моралисты жалуются на существование партий, на способы агитации и борьбы, а также на тот факт, что формирование программ и списков кандидатов неизбежно оказывается в руках меньшинств – существование партий устранить невозможно, а описанные типы их структуры и действий поддаются изменению лишь в крайне ограниченном объеме. Закон может регламентировать форму образования этого активного партийного ядра (как, скажем, и условия создания профсоюзов) и «правила боя» на поле выборов как битвы, что многократно происходило, к примеру, в Америке. Но исключить саму партийную борьбу невозможно, ибо в противном случае «отпадет» активное народное представительство. Однако же путаное представление о том, что исключить партийную борьбу все-таки можно и необходимо, вновь и вновь возникает в умах литераторов. Осознанно или неосознанно, оно фигурирует в качестве предпосылки во многих предложениях – например, в предложении вместо парламентов, образуемых на основе всеобщего (ступенчатого или равного) избирательного права, или наряду с такими парламентами создавать выборные объединения на «сословно-профессиональной» основе, в которых корпоративным образом сплоченные профессиональные представительства в то же время будут выборными объединениями для парламента. Это уже сама по себе неудачная идея для времени, когда формальная принадлежность к определенной профессии (по закону о выборах ее следует связать с внешними признаками), как известно, почти что ничего не говорит об экономических и социальных функциях, а каждое техническое нововведение и любые экономические передвижения и новообразования соответственно сдвигают эти функции, а тем самым и смысл формально остающихся прежними профессиональных позиций, и их пропорциональную соотнесенность между собой. Но, конечно, это не средство для достижения желанной цели. Ибо если бы удалось объединить всех избирателей в профессиональные организации вроде нынешних торговых палат или сельскохозяйственных палат, а затем из них сформировать парламент, то, разумеется, возникли бы следующие последствия:

1) наряду с этими утвержденными законом профессиональными организациями, с одной стороны, должны существовать представительства заинтересованных лиц, основанные на свободной агитации. Так, наряду с сельскохозяйственными палатами должны иметься союзы фермеров и агрономов, наряду с торговыми

палатами – разного рода предпринимательские организации. С другой стороны, политические партии, основанные на агитации, вовсе не исчезли бы, а лишь приспособили бы к вновь созданной ситуации направление и форму своей агитации. И, конечно же, подобного рода изменения не были бы к лучшему: воздействие на выборы со стороны спонсоров и эксплуатация капиталистической зависимости продолжались бы, как минимум, столь же неконтролируемо. В остальном, очевидными последствиями были бы такие: с одной стороны – 2) решение конструктивных задач профессиональных представительств там, где их состав повлиял бы на парламентские выборы и тем самым – на ведомственный патронаж, было бы затянуто в водоворот борьбы политических сил и партий, – вместо того, чтобы эти представительства оказались укомплектованными объективно компетентными представителями профессий, т. е. партий. С другой же стороны – 3) парламент превратился бы в рынок для чисто материальных компромиссов интересов без государственно-политической ориентации. Для бюрократии это означало бы повышенный соблазн и расширенное пространство для того, чтобы посредством игры на противоречиях между материальными интересами и путем усиления системы патронажа и системы поставок и подачек сохранить собственную власть и, прежде всего, свести до минимума всякий административный контроль. Ибо решающие процессы и компромиссы между заинтересованными лицами в этом случае подвергались бы еще гораздо меньшему контролю и происходили бы за закрытыми дверьми их неофициальных концернов. Не политические лидеры, а пронырливые дельцы пролезали бы в парламент буквально за собственный счет, тогда как такое, с позволения сказать, «народное представительство» было бы поистине наименее подходящим местом для решения политических вопросов с политических точек зрения. Все это совершенно очевидно для человека сведущего. Как и то, что это не средство ослабить капиталистическое влияние на партии и парламент или вообще устранить или хотя бы очистить партийное движение. Произошло бы прямо противоположное. Тот факт, что партии все-таки представляют собой структуры, основанные на свободной агитации, препятствует регламентации их деятельности и не принимается во внимание в тех идеях литераторов, в которых выражается стремление признавать в качестве организаций лишь структуры, созданные государственной регламентацией, но не «добровольно» выросшие на поле боя современного общественного порядка.

Политические партии в современных государствах могут строиться, прежде всего, на двух различных внутренних принципах. Ли-

бо, как в Америке после больших споров по поводу интерпретаций конституции, они, по существу, являются организациями ведомственного патронажа. И тогда их цель состоит исключительно в том, чтобы посредством выборов продвинуть своего лидера на руководящий пост, чтобы впоследствии тот назначил собственную свиту – чиновничий и пропагандистский аппарат партии – на государственные должности. Будучи содержательно беспринципными, партии, конкурируя между собой, записывают в свои программы такие требования, которые в каждом конкретном случае считаются наделенными наибольшей агитационной силой для избирателей. Такой характер партий в Соединенных Штатах столь отчетливо выражен потому, что там нет парламентской системы, а, скорее, избираемый народом президент федерации (при участии сенаторов, избираемых от штатов) держит в своих руках ведомственный патронаж бесчисленных распределяемых федеральных должностей. Несмотря на коррупцию, порожденную этой системой, она была популярной, так как препятствовала возникновению касты бюрократов. Технически же эта система оказалась возможной, поскольку и до тех пор пока она была способна вынести даже наихудшую дилетантскую экономику из-за неограниченного избытка экономических возможностей. Растущая необходимость заменять лишенных всякого образования партийных протеже и временно работающих чиновников на профессионально образованных чиновников, исполняющих свои обязанности в качестве жизненного призвания, все в большей степени лишает эти партии «теплых местечек» и неизбежно способствует и здесь возникновению бюрократии европейского типа.

Либо партии бывают преимущественно мировоззренческими и, следовательно, стремятся служить осуществлению содержательных политических идеалов. В весьма чистой форме это касалось немецкого центра в 70-е годы XIX века и социал-демократии вплоть до ее сплошной бюрократизации. Однако, как правило, партии основаны сразу на двух принципах: они имеют объективно политические, передаваемые по традиции и с оглядкой на нее – непременно постепенно – модифицируемые цели, но, кроме того, стремятся и к ведомственному патронажу. А именно: к занятию их лидерами, в первую очередь, руководящих постов, и притом политического характера. Достижение этой цели лидерами в борьбе на выборах впоследствии позволяет им и заинтересованным лицам на предприятиях в период политического господства партии давать приют их протеже на надежных государственных постах. Это является правилом в парламентских государствах, и потому по этому же пути в них следовали и партии, основанные на мировоззрении. В непарламент-

ских же государствах партиям не полагается патронировать руководящие должности. Зато там влиятельнейшие из них, как правило, в состоянии, по меньшей мере, вынуждать господствующую бюрократию давать приют на неполитических государственных постах протеже этих партий, а также кандидатам, рекомендованным благодаря их связям с чиновниками, т. е. осуществлять косвенный патронаж.

В соответствии со своей внутренней структурой, все партии на протяжении последних десятилетий с растущей рационализацией техники предвыборной борьбы переходят к бюрократической организации. Ступени развития, коих достигли отдельные партии на пути к бюрократии, различны, но общее направление пути – по меньшей мере, в демократических государствах – одно и то же. «Caucus» Дж.Чемберлена в Англии, примечательным образом так называемая «машина» в Америке, и повсюду, в том числе и у нас (быстрее всего в социал-демократии, а значит – что совершенно естественно – в наиболее демократичной партии), возрастающее значение партийного чиновничества: все это аналогичные стадии одного процесса. В партии центра церковный аппарат «капелланократии», а для консервативной партии в Пруссии, начиная с министерства Путткамера, государственный аппарат начальника ландрата и окружного начальника – все равно, открыто или замаскированно, исполняет служебные обязанности партийной бюрократии. На качестве организации такой бюрократии в первую очередь и зиждется мощь партий. Взаимной враждебностью таких аппаратов партийного чиновничества гораздо больше, чем различиями в программах, объясняются, к примеру, и трудности слияния партий. Тем, что каждый из двух депутатов (Ойген Рихтер и Генрих Риккерт) в рамках Немецкой либеральной партии сохранил собственную избирательную машину доверенных лиц, был уже предуготовлен последующий распад этой партии.

Конечно, государственная бюрократия теперь выглядит отчасти весьма непохожей на партийную, а в пределах первой опять-таки гражданская выглядит иначе, чем военная, и все они опять же чем-то отличаются от бюрократии общины, церкви, банка, картеля, профессионального сообщества, представительства заинтересованных лиц (союз работодателей, союз сельских хозяев). К тому же объем, в котором задействована деятельность почетных или заинтересованных лиц, во всех этих случаях весьма неодинаков. Так, в партии «босс», а в акционерном обществе наблюдательный совет не являются чиновниками. Ради совместного принятия решений, ради контроля, консультаций, а время от времени – и для исполнительных функций в разнообразных фор-

мах так называемого «самоуправления» разного рода знатные люди, избранные представители подвластных прослоек или же получившие принудительную нагрузку заинтересованные лица могут подчиняться чиновникам, начальствовать над ними или же совместно с ними работать как в корпоративной форме, так и в виде отдельных органов. Последнее встречается, прежде всего, в коммунальном управлении. Но, разумеется, важные с практической точки зрения симптомы этого не должны нас здесь интересовать[1]. Ибо (в том-то все и дело) в управлении массовыми союзами специально обученное штатное чиновничество всегда образует ядро аппарата, а его «дисциплина» – абсолютная предпосылка успеха. И при растущих размерах союза, при увеличивающейся сложности его задач и, прежде всего, при растущей властной обусловленности его существования (независимо от того, идет ли здесь речь о борьбе за власть на рынке, на предвыборной «площадке» или же на поле боя) значение этого фактора еще больше возрастает. То же самое касается и партий. В партийном движении проигрышной ситуацией является та, когда – как во Франции (жалкое положение парламента в которой основано на нехватке бюрократизированных партий), а частично и у нас – еще существуют партии, упорно цепляющиеся за управление со стороны местных знатных лиц; эта система в Средние века совершенно повсеместно господствовала во всевозможных союзах, да и сегодня еще царит в общинах малого и среднего размера. Как средство для рекламы и лишь как таковое, но не как исполнители решающей будничной работы, сегодня принимаются во внимание партиями такие «уважаемые граждане», «ведущие ученые мужи» или как там они еще называются, – подобно тому, как, например, в наблюдательных советах акционерных обществ фигурируют всякого рода декоративные сановники, на съездах католиков – князья Церкви, на собраниях союзов сельских хозяев – настоящие или ненастоящие дворяне или же в пангерманской агитации лиц, заинтересованных в победе в войне или в привилегиях на выборах, – всякого рода заслуженные историки, биологи и аналогичные, по большей части, совершенно неполитические величины. Реальную же работу во всех организациях все в большем объеме выполняют оплачиваемые

[1] При этом из нашего рассмотрения исключаются многочисленные институты, существованием коих мы в Германии имеем полное право гордиться и даже, по крайней мере, в отдельных случаях, характеризовать их в качестве образцовых. Однако чудовищное заблуждение литераторов состоит в том, что они вбили себе в голову, будто политика великого государства, это, по существу, нечто вроде самоуправления какого-нибудь города средней величины. А ведь политика – борьба.

служащие и всякого рода агенты. Все остальные играют роль или всё в большем объеме будут играть роль отделки и витрины.

Подобно тому, как итальянцы, а вслед за ними – англичане виртуозно развили организацию капиталистического хозяйства, так и византийцы, а вслед за ними – итальянцы, а впоследствии территориальные государства эпохи абсолютизма, французская революционная централизация и, наконец, превзойдя всех остальных, немцы, виртуозно разработали профессиональную и с разделением труда бюрократическую организацию всех человеческих союзов, основанных на господстве, – от фабрики до армии и государства – и дали себя временно и частично превзойти другим нациям, в особенности – американцам, лишь в технике партийной организации. Но теперешняя мировая война означает прежде всего победное шествие этой жизненной формы. Это шествие было в разгаре и до войны. Университеты, техникумы, высшие торговые школы, ремесленные училища, военные академии, профессиональные школы всех мыслимых сортов (даже школы журналистики!); профессиональный экзамен как условие всех хорошо оплачиваемых и при этом, прежде всего, «гарантированных» частных и общественных служебных позиций; диплом после экзамена как основа любых претензий на социальную значимость (бракосочетание (connubium) и социальные сношения (commercium) в кругах, причисляющих себя к «обществу»); «подобающее званию», гарантированное, обеспечивающее пенсию жалование, а если возможно, то повышение зарплаты и продвижение по службе в соответствии со старшинством, как известно, таковы были подлинные, чаще всего – наряду с поисками теплых местечек для их питомцев – интересующие высшие школы «требования дня» еще до войны. Как в государстве, так и за его пределами нас интересуют следствия этого для политической жизни. Ибо нынешняя скучная ситуация с повсеместной бюрократизацией, на самом деле, кроется и за так называемой «германской идеей 1914 года», и за тем, что литераторы эвфемистически называют «социализмом будущего», и за лозунгами «организации», «кооперативного хозяйства, и вообще за всеми подобными речевыми оборотами современности. В результате они всегда обозначают (даже если стремятся к прямо противоположному) создание бюрократии. Разумеется, бюрократия – далеко не единственная современная организационная форма, подобно тому, как фабрика – далеко не единственная форма предприятия. Но обе налагают печать на современную эпоху и на обозримое будущее. Бюрократизация принадлежит будущему, и само собой разумелось (и разумеется), что литераторы были верны (и теперь верны) своей профессии, встречая бюрокра-

тизацию (совершенно так же, как в эпоху Манчестерской школы) взрывом аплодисментов как силу, находящуюся на подъеме. И оба раза с одинаковым простодушием.

Но бюрократия по сравнению с остальными историческими носителями современного рационального жизненного порядка отличается своей гораздо большей неминуемостью. Неизвестны исторические примеры того, чтобы там, где бюрократия, достигнув полного и исключительного господства – как в Китае, Египте и не в столь последовательной форме в поздней Римской империи и в Византии – вновь исчезла, разве что с полной гибелью культуры, являвшейся ее носительницей. И все же это были пока еще довольно-таки иррациональные формы бюрократии, «патримониальные бюрократии». Современная бюрократия выделяется на фоне всех этих стародавних примеров одним свойством, благодаря которому ее неминуемость оказалась существенно прочнее, чем неизбежность прочих ее видов: выделяется она рациональной профессиональной специализацией и обученностью. Так, мандарин в старом Китае являлся не профессиональным чиновником, а, наоборот, литературно-гуманистически образованным джентльменом. Египетский же, позднеримский и византийский чиновник был существенно более бюрократом в нашем смысле. Но государственные задачи, подлежавшие его компетенции, оказывались бесконечно более простыми и скромными, чем современные, а его поведение – частью связанным традициями, частью же патриархально, т. е. иррационально, ориентированным. Подобно ремесленнику прошлого, он был чистым эмпириком. А современный чиновник – соответственно рациональной технике современной жизни – постоянно и неизбежно становится все более профессионально вышколенным и специализированным. Все бюрократии земного шара идут по этому пути. Например, хотя старый американский чиновник, осуществлявший партийный патронаж, и был профессиональным «знатоком» площадки предвыборной борьбы и соответствующей «практики», его ни в коем случае нельзя назвать экспертом, получившим специальное образование. Вот на чем, а не на демократии как таковой – в отличие от того, что внушают публике наши литераторы – основывалась тамошняя коррупция, которая столь же чужда получившим университетское образование профессиональным чиновникам только зарождающейся там *civil service*, как и современной английской бюрократии, которая теперь занимает место *self-government*, осуществлявшегося знатью («джентльменами»). Однако стоит лишь воцариться современному вышколенному чиновнику, как его власть становится вообще нерушимой, так как вся организация элементарнейшего

жизнеобеспечения в таких случаях приспосабливается к результатам его работы. Теоретически мыслимым, пожалуй, было бы постепенное исключение частного капитализма – пусть даже на самом деле оно вовсе не такая мелочь, как это грезится кое-каким не знающим капитализма литераторам, – и совершенно ясно, что оно не будет последствием этой войны. Впрочем, допустим, оно произойдет – и что это будет означать практически? Может, разрушение стального корпуса современного ремесленного труда? Да нет же! То, что и управление огосударствленными или переведенными в какое-нибудь «общее хозяйство» предприятиями будет бюрократическим. Разве, например, образ жизни служащих и рабочих в прусском государственном управлении шахт или железных дорог сколько-нибудь отличается от образа жизни тех, кто занят на больших частнокапиталистических предприятиях? Они менее свободны, поскольку борьба любой власти против государственной бюрократии бесперспективна и поскольку принципиально невозможно подать апелляцию в инстанцию, имеющую интересы против нее и ее власти. Такова вся разница. Если бы удалось исключить частный капитализм, государственная бюрократия воцарилась бы самодержавно. А ныне существующие наряду с ней и, по меньшей мере, когда есть возможность, работающие друг против друга, т. е. пока еще в определенной степени взаимно держащие друг друга в постоянном страхе частные и общественные бюрократии, объединились бы в одну-единственную иерархию. Как, например, в Древнем Египте, только в совершенно несравнимо более рациональной и потому более неминуемой форме.

Безжизненная машина представляет собой сгустившийся дух. Только то, что она такова, наделяет ее силой принуждать людей служить ей и определять будни их рабочей жизни так властно, как это фактически происходит на фабрике. Сгустившийся дух – это еще и та живая машина, какой является бюрократическая организация с ее требующим специального обучения профессиональным трудом, с ее разграничением компетенций, с ее уставами и с иерархически ступенчатыми отношениями подчинения. В союзе с мертвой машиной эта машина стремится изготовить оболочку той будущей личной зависимости, с которой люди – подобно феллахам в древнеегипетском государстве – вероятно, со временем вынуждены будут бессильно смириться, если с чисто технической точки зрения хорошее, а это значит – рациональное управление и обслуживание со стороны чиновников, будет для них последней и единственной ценностью, выносящей решения об управлении их делами. Ибо бюрократия исполняет это несравненно лучше любой другой организации господства. А эта оболочка, которую

расхваливают наши наивные литераторы, дополненная прикованностью каждого к предприятию (прообраз чего можно видеть в так называемых «комитетах, выплачивающих пособие»), к классу (из-за растущей незыблемости структуры владений) и, вероятно, когда-нибудь в будущем еще и к профессии (благодаря «литургическому» удовлетворению государственных потребностей, т. е. выполнению профессиональными организациями государственных задач) будет лишь нерушимее, если в социальной области, как в барщинных государствах прошлого, «сословная» организация подвластных объединится с бюрократией (что в действительности означает – подчинится ей). Тогда просияет «органическое», т. е. египетско-восточное членение общества, но в противоположность последнему оно будет строго рациональным, как машина. Кто станет отрицать, что подобная возможность располагается в недрах будущего? Об этом уже часто говорили, и путаное представление о таких возможностях отбрасывает свою тень на продукцию наших литераторов. Итак, допустим: как раз эта возможность воплотится в виде неминуемой судьбы, – кто тогда не захочет посмеяться над страхом наших литераторов перед тем, что политическое и социальное развитие, дескать, уготовит нам в будущем чересчур много «индивидуализма», «демократии» или чего-нибудь подобного, а «истинная свобода» просияет лишь тогда, когда теперешняя «анархия» нашего хозяйственного производства и «партийная суета» наших парламентов окажутся упраздненными ради «социального порядка» и «органической структуры» – это означает пацифизм социальной немощи, оказавшейся под мощными крылами единственной совершенно неумолимой силы – государственной и хозяйственной бюрократии.

Ввиду решающего факта, – неудержимого марша бюрократизации, – вопрос о будущих формах политической организации можно вообще ставить только в следующем виде:

1) как в связи с подавляющим превосходством тенденции к бюрократизации вообще еще возможно спасти хоть какие-то остатки хоть в каком-нибудь смысле «индивидуалистического» движения к свободе? Ибо, в конечном счете, будет грубым самообманом полагать, будто без этих достижений эпохи «прав человека» мы (даже самые консервативные среди нас) вообще сегодня выживем. Но на этот раз такой вопрос интересовать нас не должен, ибо наряду с ним есть еще один, который для нас здесь важен:

2) как – в связи с необходимостью и обусловленным ею властным положением интересующего нас здесь государственного чиновничества – можно дать какую-либо гарантию того, что имеются силы, которые ограничивают господство этой непрерывно расту-

щей по своему значению прослойки и действенно ее контролируют? Как будет вообще возможна демократия – хотя бы в этом ограниченном смысле? Но и это не единственный вопрос, каковой нас здесь занимает. Ибо

3) третий, и к тому же наиважнейший из всех вопрос проистекает из анализа того, на что бюрократия как таковая не способна. Ведь легко установить, что ее «производительность» в сфере социальных, государственно-политических предприятий, равно как и в пределах частного хозяйства, имеет жесткие внутренние границы. Ибо ведущим умом в первом случае является политик, а во втором – предприниматель, что нечто иное, нежели чиновник. Не обязательно по форме, но, пожалуй, по сути. Ведь и предприниматель сидит в «бюро». И полководец тоже. Полководец – это офицер, а значит, формально не отличается от всех остальных офицеров. И генеральный директор большого предприятия – чиновник или служащий некоего акционерного общества, а стало быть, и он по своему правовому положению принципиально не отличается от остальных чиновников. Аналогичным образом обстоят дела в сфере государственной жизни с ведущими политиками. Первый министр формально является чиновником с жалованьем, обеспечивающим ему пенсию. То обстоятельство, что по всем законодательствам земного шара он может быть в любое время уволенным или подать в отставку, с внешней стороны не отличает его служебного положения от положения большинства, но не всех остальных чиновников. Зато гораздо отчетливее бросается в глаза факт, что для него и лишь для него одного, в отличие от других чиновников, не предписывается никакая квалификация, связанная с профессиональным образованием. А это значит, что как раз в соответствии со смыслом его должности он являет собой нечто отличное от других чиновников, – подобно предпринимателю и генеральному директору на частном предприятии. Или гораздо правильнее: что он должен быть чем-то иным. И так оно и происходит на деле. Если руководящий работник по духу результатов работы является чиновником, и даже сколь угодно дельным, т. е. человеком, который привык честно и согласно обязанностям отрабатывать свою должность, выполняя регламент и слушая приказы, то он ни на что не годен ни во главе частнокапиталистического предприятия, ни как глава государства. К сожалению, мы в нашей государственной жизни служим примером этого. В типе ожидаемых результатов труда различие заключается лишь частично. Самостоятельность в принятии решений, организаторские способности, основанные на собственных идеях, в малом, но весьма часто – и в большом, в массовом порядке ожидаются от

«чиновников» точно так же, как от «руководителей». И даже тот взгляд, будто чиновник с головой уходит во второстепенную будничную деятельность, и лишь руководителю приходится выполнять особую «интересную» работу, наполненную духовными притязаниями, – свойствен литераторам и возможен лишь в такой стране, которая не имеет представления, как следует вести собственные дела и как выполнять работу ее чиновничеству. Нет – различие заключается в типе ответственности одного и другого, и исходя из этого определяется в широком смысле и тип требований, предъявляемых к своеобразию каждого. Чиновник, воспринимающий приказ в соответствии с собственным неправильным мнением, может – и должен – вызывать возражения. Если вышестоящая инстанция упорно настаивает на своем распоряжении, то не только обязанность, но и честь предписывает подчиненному чиновнику выполнить его так, словно оно соответствует сокровеннейшим его убеждениям, и тем самым показать, что чувство служебного долга превалирует у него над своеволием. При этом безразлично, получает ли вышестоящая инстанция свой императивный мандат от неких «властей», «корпорации» или же «собрания». Так угодно канцелярскому духу. А вот политический лидер, который будет так действовать, заслужит презрение. Он зачастую вынужденно заключает компромиссы, что означает – жертвует менее важным ради более важного. Если же политический лидер не в состоянии сказать своему господину (будь то монарх или демос): либо я сейчас выполню эту инструкцию, либо уйду, то он не вождь, а жалкий проклейщик (*Kleber*), как называл людей такого типа Бисмарк. «Над партиями» (что в действительности означает «не борясь за собственную власть») должен находиться чиновник. Борьба же за собственную власть и за вытекающую из этой власти личную ответственность есть жизненная стихия как политика, так и предпринимателя. <…>

Теперь перейдем к парламенту.

Современные парламенты служат, в первую очередь, представительствами тех, кто порабощен средствами бюрократии. Ведь определенный минимум внутреннего согласия, по меньшей мере, социально значимых прослоек порабощенных является предпосылкой продолжительного – даже наилучшим образом организованного – господства. Парламенты сегодня представляют собой средства для внешнего проявления этого минимума согласия. Для определенных актов публичных властей формы соглашения посредством закона, принимаемого после предварительной консультации с парламентом, являются обязательными, и, прежде всего, это касается проектов государственного

бюджета. Сегодня, как и начиная с возникновения сословных прав, распоряжение способами доставания денег для государства – бюджетное право – служит решающим средством парламентской власти. Правда, до тех пор, пока парламент может оказывать влияние на администрацию лишь через отказ выделения денежных средств и отвержение законопроектов или через неавторитетное ходатайство по поводу жалоб населения, он исключен из позитивного участия в политическом руководстве. Поэтому он может проводить и проводит лишь «негативную» политику, т. е. противостоит руководителям администрации в качестве враждебной силы, в качестве таковой силы снабжается администрацией необходимым минимумом сведений, а оценивается – только как тормоз, как сборище немощных ворчунов и всезнаек. С другой же стороны, бюрократия с легкостью слывет у парламента и его избирателей кастой карьеристов и судебных приставов, которым противостоит народ как объект приложения их докучливых и в значительной степени излишних «искусств». Иначе обстоят дела там, где парламент добился того, что руководители администрации должны либо напрямую избираться из его среды («парламентская система» в подлинном смысле), либо же, чтобы оставаться на своем посту, получать явно выраженное доверие парламентского большинства или, по меньшей мере, уступать сообщениям о недоверии (парламентский отбор лидеров) и на этом основании держать ответ исчерпывающим образом и при перепроверке со стороны парламента или его комитетов, а также управлять в соответствии с одобренными парламентом директивами (парламентский контроль над управлением). В таких случаях вожди ведущих партий парламента каждый раз с необходимостью становятся позитивными соносителями государственной власти. Тогда парламент становится фактором позитивной политики наряду с монархом, который теперь соопределяет политику не благодаря своим формальным царским правам или же благодаря не только им, и во всяком случае – благодаря не исключительно им, а еще и – при любых обстоятельствах – своему громадному влиянию, и сила последнего зависит от политической мудрости и целеустремленности монарха. Вот тогда-то, безразлично, справедливо или же несправедливо, говорят о народном государстве – когда парламент порабощенных, осуществляя негативную политику, образует своего рода «начальствующее государство» по отношению к господствующей бюрократии. Нас здесь интересует практическое значение парламента.

Как ни любить и как ни ненавидеть функционирование парламента – никто не займется его устранением. Можно лишь сделать

его политически немощным, как поступил Бисмарк с рейхстагом. Но бессилие парламента проявляется в общих последствиях «негативной политики» в следующих явлениях. Всякая парламентская борьба, само собой разумеется, является борьбой не только вокруг объективных противоречий, но и за личную власть. Там, где положение парламента у власти влечет за собой то, что монарх обыкновенно поручает руководство политикой доверенному лицу из решающего большинства, эта борьба партий за власть тем самым направляется на достижение этого высочайшего политического положения. Значит, такая борьба удается людям, наделенным мощным инстинктом политической власти и наиболее ярко выраженными политическими лидерскими качествами, именно они получают шанс занять руководящие посты. Ибо существование партий в стране и все бесчисленные идеальные, а отчасти и материальные интересы, которые с ним связаны, настоятельно требуют, чтобы у кормила власти находилась личность, обладающая лидерскими качествами. Следовательно, тогда и только тогда стимул для политических темпераментов и политических талантов – пройти сквозь отбор этой конкурентной борьбы. <…> Ведь любая партия как таковая стремится к власти, что означает – к участию в управлении, а следовательно – к влиянию на комплектование ведомств. У нас для правящих слоев это характерно настолько же, насколько и в других странах. Разве что они избавлены от ответственности за это, поскольку охота за должностями происходит тайком и распространяется на нижние должности, не несущие ответственности за личности. Чиновничество же у нас рассчитывает на то, что, в свою очередь, сможет распоряжаться делами при отсутствии личного контроля, но за это будет платить деньги влиятельным партиям, участвующим в патронаже «теплых местечек». Это само собою разумеющееся следствие того, что партия (или партийная коалиция), от которой фактически зависит образование проправительственного или противоправительственного большинства в парламенте, как таковая официально не приглашается для занятия высочайших и ответственных политических постов.

С другой стороны, эта система позволяет людям, обладающим качествами дельного служащего, но совершенно не имеющим таланта государственного деятеля, удерживаться на ведущих политических должностях до тех пор, пока из-за какой-нибудь интриги в пользу другого аналогичного деятеля они не исчезнут с горизонта. Итак, партийно-политический ведомственный патронаж у нас совершенно подобен такому патронажу в любой другой стране. Только происходит он в бесчестной скрытой форме и, прежде всего,

так, что всегда работает на благо определенных партийных мнений, считающихся «принятыми при дворе». Но эта односторонность – далеко не самое скверное в нынешней ситуации. Чисто политически ее можно было бы вытерпеть, если бы она, по меньшей мере, давала шанс на то, что из среды этих «принятых при дворе» партий на важные посты смогут подняться лидеры, политически квалифицированные для руководства нацией. Но у нас дела обстоят не так. Это возможно лишь в тех случаях, когда имеется парламентская система или хотя бы парламентский ведомственный патронаж для комплектования лидерских постов. Мы же прежде всего укажем на одно чисто формальное препятствие, которое ставит такой системе действующая конституция империи.

Последний пункт ст. 9 Имперской конституции гласит: «Никто не может быть одновременно членом и Бундесрата, и Рейхстага». Значит, если в странах, управляемых парламентом, для руководящих государственных деятелей непременным условием является принадлежность к парламенту, то в Германии это невозможно по правовым причинам. Хотя рейхсканцлер, министр или статс-секретарь, представляющий в бундесрате отдельное германское государство, и может быть членом парламента отдельного германского государства, например, прусского ландтага, что означает – влиять там на какую-нибудь партию или даже возглавлять ее, – это неприменимо к рейхстагу. Это положение представляет собой попросту механическое копирование принятого в Англии исключения пэров из нижней палаты (пожалуй, через посредство прусской конституции) и тем самым основывается на недомыслии. Отмена этой статьи сама по себе еще не значит введения парламентарной системы или парламентского ведомственного патронажа, но подразумевает лишь возможность того, что политически способный парламентарий в то же время займет руководящий политический пост в империи. Непонятно, почему депутат, демонстрирующий свою пригодность для руководящего поста в империи, обязательно должен, в первую очередь, лишать себя политических корней, а уже потом занимать его.

Если бы Беннигсен в свое время вошел в правительство и одновременно вышел из рейхстага, то Бисмарк превратил бы влиятельнейшего политического лидера в не имеющего парламентских корней административного чиновника, – но руководство партии досталось бы левому крылу, или же сама партия распалась бы (вероятно, таким и было намерение Бисмарка). Совершенно аналогичным образом сегодня переход депутата Шиффера в правительство лишил его влияния на партию и тем самым отдал эту партию на произвол ее крыла, связанного с тяжелой промышленностью. Получает-

ся, что партии тем самым «обезглавливаются», а правительство постоянно получает вместо дельных политиков чиновников-специалистов без профессиональных знаний в сфере ведомственной карьеры и при этом без влияния, которое имеет член парламента. И еще: тем самым пестуется самая скверная форма системы подкупов, каковую можно применять в отношении парламента. Парламент как трамплин для карьеры талантливых кандидатов в заместители министров: эта характерная точка зрения на бюрократов представлена в кругах политических литераторов и литераторов – профессиональных юристов, считающих, что проблема немецкого парламентаризма таким образом решается на специфически «немецкий» лад! И это те самые круги, которые насмехаются над якобы только «западноевропейской» и специфически «демократической» охотой за должностями! Того, что парламентские лидеры охотятся не только за должностями с их окладами жалованья и чинами, но и за властью с ее политической ответственностью, и того, что они могут получить все это, лишь укоренившись в парламенте со своей партийной свитой (того, что в дальнейшем парламент может стать местом селекции лидеров или же карьеристов) – вот чего они никогда не поймут. <…>

Речи, произносимые депутатом, сегодня уже не являются личными исповедями и в еще гораздо меньшей степени напоминают попытки переубедить противников. Они представляют собой официальные декларации партии, демагогически обращенные к стране. Если представители всех партий выскажутся по очереди один или два раза, то дебаты в рейхстаге будут объявлены закрытыми. Речи обсуждаются заранее или хотя бы согласуются по всем существенным пунктам на заседаниях фракций. Также на этих заседаниях заранее определяется, кто будет говорить от имени партии. У партий имеются особые эксперты по каждому вопросу, подобно тому, как у бюрократии – собственные компетентные чиновники. Правда, в партиях наряду с рабочими пчелами есть и свои трутни, парадные ораторы, которых можно с осторожностью использовать лишь в репрезентативных целях. Но если не без исключения, то в целом справедливо следующее утверждение: кто делает работу, тот и имеет влияние. Однако же работа эта происходит за кулисами, на заседаниях комиссий и фракций, у по-настоящему энергично работающих членов партий, но, прежде всего, в их личных бюро. <…>

…поскольку у нас человек с мощным инстинктом власти и прочими аналогичными качествами вследствие политической структуры государства (что означает просто-напросто: вследствие бессилия парламента и связанного с этим чисто чиновничьего

характера министерских постов) должен быть прямо-таки идиотом, чтобы залезть в эту жалкую систему коллегиальной зависти и ступить на скользкий путь интриг на высочайшем уровне, тогда как его умению и стремлениям открывается поле деятельности, какую предоставляют гигантские фабрики, картели, банки и предприятия оптовой торговли. Его собратья предпочитают финансировать общегерманские газеты, давая возможность литераторам предаваться своей болтовне. Туда, на службу частнокапиталистическим интересам, путем того негативного отбора, какой, если называть вещи своими именами, практически является сущностью нашего так называемого «монархического правления», оттеснены все лидерские таланты нации. Ибо лишь в этой сфере сегодня вообще встречается нечто напоминающее селекцию лидерских качеств. Отчего именно там? Так ведь оттого, что тут уж безусловно не до добродушия (что в данном случае означает – не до литераторской фразы), когда речь идет об экономической выгоде в сотни и тысячи миллионов марок и о десятках и сотнях тысяч работников. А почему не в руководстве государством? Потому что одна из худших черт, перешедших по наследству от эпохи Бисмарка, заключается в том, что Бисмарк считал целесообразным прикрывать собственный цезаристский режим легитимностью монарха. В этом ему преданно подражали его преемники, а уж они-то были не цезарями, а заурядными чиновниками. Политически невоспитанная нация принимала пустые фразы Бисмарка за чистую монету, тогда как литераторы по своему обыкновению приветствовали их. Само собой разумеется, литераторы экзаменуют будущих чиновников, да и сами себя ощущают чиновниками и творцами чиновников. И их озлобленность направлена на каждого, кто стремится к власти и добивается ее иными способами, нежели через легитимацию посредством экзаменационного диплома. Отвыкнув при Бисмарке от собственной озабоченности общественными делами, в особенности – внешней политикой, вследствие этого нация позволила всучить себе нечто, называемое «монархическим режимом», что в действительности означало всего-навсего неконтролируемость безраздельного господства чиновников, при котором – если эти чиновники предоставлены самим себе – еще никогда и нигде в мире политические лидерские качества не рождались и не пробивали себе дорогу. И не то, чтобы среди нашего чиновничества не было людей с лидерскими качествами – я очень далек от того, чтобы утверждать, будто их нет! Но не только условности и внутренние особенности ведомственной иерархии ставят в высшей степени труднопреодолимые препятствия именно на пути их карьеры, –

а сущность положения современного управленческого чиновника, в общем и целом, крайне неблагоприятна для развития политической самостоятельности (которую, пожалуй, следует отличать от внутренней независимости чисто личного типа). Дело еще в том, что сущность всякой политики (что пока еще необходимо часто подчеркивать) состоит в борьбе, а также в вербовке союзников и последователей-добровольцев – а для того, чтобы упражняться в этом трудном искусстве, карьера в чиновничьем государстве не дает ни малейшей возможности. Как известно, для Бисмарка школой послужил франкфуртский бундестаг. В армии учат сражаться, и потому она может рождать военных вождей. Для современных же политиков наиболее подходящей палестрой служит борьба в парламенте и борьба за партию в стране, каковым нет равноценной замены – и менее всего их заменяет конкуренция за служебное продвижение. Разумеется, речь идет о таких парламенте и партии, чей лидер добивается государственной власти.

И наоборот, какую притягательную силу для людей с лидерскими качествами может иметь партия, которая в лучшем случае получает шанс изменить несколько бюджетных статей так, как того требуют интересы ее избирателей, – да еще раздобыть несколько теплых местечек для нескольких протеже ее партийных боссов? Какие возможности для развития этих качеств она им предоставляет? До мельчайших подробностей регламента и традиций рейхстага сегодня деятельность нашего парламента обнаруживается в чисто негативной политике. Мне известно немало случаев, когда в партиях молодые таланты с лидерскими качествами попросту подавлялись старыми и заслуженными местными и партийными деятелями, как и происходит в любом цехе. Да это и понятно в бессильном парламенте, нацеленном лишь на негативную политику. Ибо там царят только цеховые инстинкты. Зато этого никогда не может позволить себе партия, жизнь которой приспособлена к соучастию во власти и разделению ответственности в государстве, – вследствие чего каждый член партии, работающий в первичных организациях, должен знать: бытие и небытие партии, как и существование всех связанных с ней интересов, зависит от того, чтобы она располагала людьми с лидерскими качествами и подчинялась им. Ибо многоголовое парламентское собрание как таковое не в состоянии «управлять» и «делать политику». Об этом нет речи ни в одной стране мира, даже в Англии. Вся масса депутатов в целом функционирует только в роли свиты одного или нескольких *leader'*ов, формирующих кабинет, и беспрекословно им подчиняется, пока они имеют успех. Так и должно быть. В политических

делах всегда господствует «принцип небольших чисел», т. е. одерживает верх политическая маневренность малых руководящих групп. Эта цезаристская черта (в демократических государствах) неискоренима.

Но ведь она одна еще и гарантирует, что ответственность по отношению к обществу зиждется на определенных личностях, тогда как в собрании, управляющем «многоголовым способом», она совершенно улетучилась бы. Это и обнаруживается при подлинной демократии. В соответствии с прежним опытом чиновники, избранные на должности благодаря народным выборам, выдерживают испытание в двух случаях. Во-первых, в локальных кантональных учреждениях, где при стабильном населении жители хорошо друг друга знают, т. е. успешная проверка чиновника в пределах соседской общины может быть определяющим моментом выборов. Во-вторых, и с существенной оговоркой, при выборах верховного политического доверенного лица нации в демократическом государстве. Таким способом к верховной власти редко приходят наиболее выдающиеся политические лидеры, но, тем не менее, как правило, приходят подходящие. Зато для общей массы средних чиновников и, прежде всего, для тех, кто нуждается в профессиональной подготовке, система народных выборов в демократических государствах в большинстве случаев показывает полную несостоятельность – и по понятным причинам. Так, в Америке судьи, назначенные президентом, неизмеримо превосходили по дельности и неподкупности судей, избранных народом. Дело в том, что у назначавшего их лидера все-таки имелась инстанция, ответственная за квалификацию чиновников, и поэтому если бы были совершены грубые промахи, правящая партия ощутила бы это впоследствии на собственной шкуре. Потому же господство равного избирательного права в крупных коммунах вновь и вновь приводило к одному и тому же: доверенное лицо граждан посредством народного голосования избиралось бургомистром, наделенным широкими полномочиями формировать административный аппарат по собственному усмотрению. Не в меньшей степени к развитию таких цезаристских черт склонен английский парламент. Ведущий государственный деятель в Англии всегда возвышается над парламентом, из которого он происходит.

Слабости, естественным образом присущие селекции ведущих политиков посредством партийной агитации в такой же степени, как присущи они любой человеческой организации вообще, в последние десятилетия чрезмерно раздуты немецкими литераторами. То, что даже парламентское партийное господство требует и долж-

но требовать от индивида, чтобы он подчинялся лидерам, которых он зачастую может воспринимать всего-навсего как «меньшее зло», само собой разумеется. Но чиновничье государство, во-первых, не оставляет ему ни малейшего выбора, а во-вторых, предлагает ему вместо лидеров начальствующих чиновников. Все-таки разница здесь, пожалуй, небольшая. Далее: то, что «плутократия» в Германии процветает хотя и в иных формах, чем в других странах, но по сути так же; то, что расписываемые именно литераторами самой черной краской, хотя и без всякой компетентности, силы крупного капитала, которые сами знают о собственных интересах куда лучше кабинетных ученых, – и притом как раз самые беспощадные из них, тузы тяжелой промышленности, все как один встали у нас на сторону бюрократического чиновничьего государства и против демократии и парламентаризма, – все-таки имеет свои объяснимые причины. Только причины эти недоступны разумению обывателей-литераторов. Вместо их выявления с в высшей степени филистерским морализаторством литераторы подчеркивают сами собой разумеющиеся факты: что воля к власти принадлежит к мотивам, движущим парламентскими лидерами, а эгоистическое стремление к занятию должностей – к мотивам, движущим их свитой. Как будто бы претендентов на бюрократические должности вдохновляют не такие же карьеризм и охота за жалованьем, а исключительно самые что ни на есть альтруистические мотивы! Что же касается участия «демагогии» в достижении власти, то примеры с тем, как в прессе только что появились поощряемые известными ведомственными должностями разборы занятия поста германского министра иностранных дел, могут научить каждого следующему: как раз мнимо «монархическое» правление подразумевает карьеризм и ведомственную борьбу с помощью в высшей степени пагубного подталкивания в прессе. Ни в одном парламентском государстве с сильными партиями ничего более скверного быть не может.

Мотивы личного поведения в рамках любой партии, разумеется, столь же мало идеалистичны, как и обычные обывательские интересы, направленные на служебное продвижение и теплые местечки, у конкурентов в чиновничьей иерархии. Как там, так и здесь, в большинстве случаев речь идет о личных интересах индивида (и будет идти в пресловутых «товариществах солидарности» в грядущем государстве литераторов). Все зависит только от одного: эти вездесущие человеческие, а зачастую – слишком человеческие интересы должны работать так, чтобы хотя бы прямо не мешать отбору людей, наделенных лидерскими качествами. Но в партиях это возможно лишь тогда, когда их лидерам в случае ус-

пеха улыбается не только власть, но и государственная ответственность. И тогда это лишь возможно. Но одним этим пока еще ничего не гарантируется.

Ибо не произносящий речи, но только работающий парламент может стать почвой, на которой взращиваются и путем селекции совершенствуются не просто демагогические, но подлинные качества политических лидеров. А работающий парламент – это такой парламент, который контролирует администрацию непрерывно и в сотрудничестве с ней.